

18+

Олег Селютов

САТУРНАЛИИ
ЭРЫ СТАБИЛЬНОСТИ

Олег Селютов

Сатурналии эры стабильности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54979176

ISBN 9785449879981

Аннотация

Прошло почти два века с тех пор, как образовалось единое Государство, которым управляет каста Лучших. Наступила эра стабильности. А где-то в Подмосковье однообразно и предсказуемо живет обыкновенный человек по имени Айвен. Но однажды ему выпадает счастливый билет... Обложка: Орландо Нори, «Карнавал в Дюнкерке», 1891

Содержание

I. Айвен	5
II. Девушка без карты	17
III. Эра Стабильности	28
IV. Москва	38
V. Письмо	49
VI. Виринея	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сатурналии эры стабильности

Олег Селютов

Величайшую цену между человеческими вещами, а не только между драгоценными камнями, имеет алмаз, который долгое время только царям, да и то весьма немногим, был известен... Твердость его несказанна, он так сопротивляется ударам о наковальню, что железо с обоих концов разлетается, а сама наковальня растрескивается.

Плиний Старший, «Естественная история»

© Олег Селютов, 2020

ISBN 978-5-4498-7998-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Айвен

Если бы странник увидел весь свой путь целиком, мужество могло бы оставить его, поскольку он узрел бы все предстоящие трудности и испытания; вот почему путь открывается ему только шаг за шагом.

Ямвлих

Он, наверное, смог бы пройти весь этот маршрут с закрытыми глазами. Нет, ну справедливости ради скажем, что иногда все-таки пришлось бы подглядывать – есть же какие-то развязки, есть виадук через старинную железнодорожную ветку... Интересно, по ней еще ходят составы? Кажется, давненько не видел... Или просто внимания не обращал?

Так-то железнодорожные перевозки должны быть куда выгоднее, чем автомобильные. Электрическая энергия, на которой работает железная дорога, явно дешевле дизтоплива, а уж тем более бензина. Так ведь? Так. Получается, что чем больше расстояния, тем выгоднее доставлять груз по железной дороге. Если я все правильно понимаю... Сколько человек в экипаже электровоза, двое? Да пусть хоть трое, все равно за раз они перевезут больше, чем три фуры. Да и вообще, с полвека назад беспилотные электровозы появились, нет там теперь людей. Тоже экономия, потому что человека

содержать надо. И безопаснее оно, если автоматика.

Хотя... Кто его знает? Может быть, теперь грузы не «железкой», а больше по воздуху доставляют. Прогресс, он же не стоит на месте. А у нас все так же, как раньше, все по старинке – погрузился, доставил, разгрузился. С другой стороны, это ведь и есть стабильность. Правильно? А стабильность – самое главное. Уверенность в завтрашнем дне, да. Ну а как же.

Говорят, что люди Железного века сами выбирали себе занятия. Хочешь, там работай, хочешь – сям. Мол, кем хочешь, тем и будь. А если захочется, можно вообще не работать. Да-да, вот так! Мы, кажется, и в школе что-то такое проходили... Только это все ерунда полнейшая, конечно. Выбирать себе занятие по душе возможно, когда очень много знаешь и умеешь или родился каким-то особенным, одаренным. Не всем это дано, в общем. Опять же, а если все захотят вдруг стать чиновниками в муниципалитете или, например, в полицию уйти служить? А кто ж тогда станет улицы убирать, за станками следить на производствах или сантехнику чинить? То-то и оно!

Как так, неужели они раньше не понимали, древние-то? Разве трудно было сообразить, что так дело не пойдет? И предки столетиями так жили, тысячелетиями! Страдали из-за этого беспорядка, голодали, революции устраивали кровавые, войны. А все от бестолкового устройства, не иначе!

Айвен неодобрительно покачал головой и расстегнул ворот рубашки. Становилось жарко – врывающийся в приоткрытое окно кабины сухой степной ветер быстро набирал температуру, а розовое рассветное солнце, все больше раскаляясь, успело выцвести и побелеть, как белеют от злости. Нагретый воздух теперь плавился и трепетал над асфальтом. Ровная, как линейка, дорога уходила вперед, к бледно-сиреневым контурам далеких гор, а по сторонам, куда ни посмотри, лежала однообразная степь – бедная, сухая земля, покрытая помертвелой растительностью, измученной летним зноем. Низкий кустарник да каменные россыпи проплешин, а над этим всем – неподвижный воздушный океан. Кубические километры голубой пустоты и разреженных воздушных масс, разве что птица какая пролетит. А на самом дне океана – дорога и Айвен, потеющий за рулем своей машины.

Старушка мелко дрожала на невидимых с высоты водительского кресла неровностях. Тут и там в салоне что-то потрескивало и дребезжало, однако пожилая машина шла и шла себе, уверенно и мощно, как таран. Айвен улыбнулся, с восторгом и нежностью погладил обод руля. Защитное покрытие на нем местами стерлось, и руки теперь постоянно пачкались черной дрянью. Надо бы, наконец, собраться и обшить.

Она, старушка, досталась Айвену от отца, это было в порядке вещей. Однако ничто не вечно (кроме, конечно, Государства), и машина, которая и так была далеко не свежей, все

больше дряхлая – даже несмотря на то, что Айвен ухаживал за ней так, как ни за одной девушкой никогда не ухаживал. У старушки постоянно что-то отваливалось, сыпалось и барахлило. Айвен прекрасно понимал, что отцовский грузовик давно уже отработал свое и место ему на свалке, но никак не мог накопить баллы на новый. Что ж, приходится довольствоваться тем, что имеешь. Остается только мечтать и надеяться, это не запрещено.

Баллы, баллы... Вечно приходится думать об этих чертовых баллах. Их хватает только на повседневную жизнь, на движение по накатанной задолго до него, Айвена, колее. Мать вздыхает и говорит осторожно, что, может быть, нужно чуть больше работать, пока молодой. Пока есть здоровье и силы. Брать дальние рейсы и вообще, мол, к чему-то стремиться. А зачем стремиться? Как ни крутись, будет то же самое. Водителем быть не перестанешь, это в крови. Лишняя двадцатка на балансе уйдет на ремонт драндулета и «нескучный газ» по выходным.

«Ты должен жениться», – настойчиво говорит мать, в этой теме она чувствует себя куда более уверенно. «Найди себе девушку, – повторяет мать раз за разом, – любовь может горы свернуть. А будет у тебя семья, дети – так сам захочешь большего». Ну, кивнешь согласно, а сам думаешь – ну вот зачем мне какие-то горы сворачивать? И что значит должен? Кому? Да и девушки... Жениться для этого дела необязательно, даже наоборот. Но маме, конечно, так не скажешь.

Не поймет.

Айвен хмыкнул и покачал головой.

Ровная дорога была пуста до самого горизонта. Айвен бросил взгляд в зеркало заднего вида – далеко позади шла еще одна фура. Айвен отсюда не видел, кто, только точно это свой. Может быть, Чандр. Он тоже много лет гоняет свой грузовик в Москву и обратно. Или Курцхалия. Айвен представил себе лицо Натана Курцхалия – прядки темных волос, облепившие узкий покаты́й лоб, и капелька пота на кончике длинного мясистого носа. Натан хвастал, что знает своих предков до самого Железного века, да только кто ж его слушает. Опять сочиняет, как пить дать. За ним не заржавеет.

Почему-то вдруг вспомнился отец. Папа как-то давно говорил Айвену, что он немец. И он, Айвен, получается, тоже немец. По крайней мере, наполовину.

– А что это такое? – не понял Айвен.

Отец помедлил, будто не особенно желая продолжать разговор на эту тему, но все-таки ответил:

– Это народ такой, сын. Раньше не было каст, а были разные народы: немцы, французы, русские... Евреи.

– Как наши касты? – Айвен стоял рядом и ждал, когда отец закончит чинить его велосипед.

– Ну, не совсем... К примеру, сейчас мы все в Государстве говорим на одном языке, а раньше у каждого народа был свой собственный язык. И даже свое государство.

– Правда? – с недоверием улыбнулся Айвен. – Как же они

друг друга понимали? Ну, народы эти?

– Как? Ну, им приходилось изучать чужие языки.

– А у немцев трудный был язык?

– Я не знаю, сын. Мы давно забыли этот язык. Вроде как общего на все хватает.

– Жаль, – подумав, сказал Айвен.

Отец пожал плечами и надел цепь на звездочку. Крутанул рукой педаль. Механизм зажужжал, как потревоженное насекомое.

– Забирай свой транспорт! Иди, покатайся часок и домой, скоро обедать будем...

Айвен поднял велосипед, но почему-то не спешил уходить. Переминался рядом, теребя серебристый рычажок звонка. Хромирование местами облезло от пальцев и случайных ударов. Отец вопросительно поглядел на Айвена.

– Папа...

– Да, сын?

– А мать – кто она?

– Мать? – переспросил отец и потер переносицу. – Я не знаю. Я никогда не спрашивал ее об этом. Да и какая разница, Айвен? Ведь в наше время это уже ничего не значит. Ерунда это, забудь...

Айвен тогда молча поднял и укатил свой велосипед, а отец остался сидеть на крыльце, будто задумавшись о чем-то. Айвен до сих пор помнит, как оно все было. Как фото – невысокое бетонное крыльцо в три ступеньки, белая стена дома,

на которой шевелится сложная резная тень от пыльного куста сирени, и отец на крыльце. Тогда еще не старый, сидит только-только начала пробиваться, и большие загорелые руки, покрытые золотистыми волосками, лежат на вытертых коленях.

Интересная штука – память. Отец умер несколько лет назад. Да-да, четыре года прошло. Помнится, была поздняя осень. Это плохо, когда люди умирают зимой или осенью. Все как-то уныло, бесприютно.

«Рак поджелудочной железы, – сказал доктор. – Метастазы. Что ж теперь поделаешь? Возьмите себя в руки, держитесь». При этом отец долго, упорно лечился, но... Да и как упорно, по возможности. Все уперлось в социальный статус и проклятые баллы. И ничего нельзя было сделать, ничего.

Мать день-деньской бегала по разным инстанциям, а в оставшееся время заполняла бесконечные формы, близоруко щурясь в потрескавшийся экран своего планшета. И Айвен тоже участвовал, если требовалась помощь. Но ничего у них не вышло, сколько ни бились. Когда стало понятно, что конец неминуем, отец поджал губы и лично подписал заявление на эвтаназию.

На следующее утро приехал врач в хрустящем халате и сделал укол. Положил на салфетку пустой шприц и безучастно отвернулся к окну. Громко тикали часы на стене. Отец закрыл глаза и умер. Врач поднялся, коснулся отцов-

ского запястья и, отметив время смерти, поклонился матери:

– Примите мои соболезнования.

В тот же вечер отца кремировали.

Все случилось так быстро и просто, что Айвен даже не успел расстроиться, что ли. На следующий день он, как всегда, вышел на работу, зачем-то прихватив с собой небольшую картонную коробочку, в которой лежала стеклянная капсула с мелким серым порошком – прахом отца. Так и возил с собой эту коробку несколько месяцев, пока мать не попросила вернуть.

«Я немец, – подумал Айвен, утерев пот со лба. – Может быть, в этом знании и нет никакого смысла, но отец передал его мне. И я буду помнить об этом ради памяти отца. А когда у меня родится сын, я обязательно передам ему это бесполезное знание. Пусть оно ничего не значит, но если это знание как-то связывает нас всех – прадеда, деда, отца, меня, моего будущего сына и так далее – значит, это важно. Очень важно».

«Сын, – язвительным тоном повторил другой Айвен, – ты сначала женись, а потом уже о сыне думай». Он всегда приходит в такие моменты, этот другой Айвен. «Кстати, почему именно сын, а не дочь? У тебя в любом случае не хватит баллов на планирование. Да и вообще... Где у тебя баллы на брак? Нету!»

«Заработаю, – ответил Айвен и тряхнул головой, отгоняя надоедливые мысли. – Значит, отец, да... Отец был светло-

кожий, а мать совсем смуглая. Но и она из дальнобойщиков, конечно, а цвет кожи тут не при чем. Каста есть каста. А цвет кожи – это пережиток, не больше. Хотя бывает красиво».

Между тем припекало все сильнее. Солнечный свет жег руки, лежащие на рулевом колесе. Впереди возникла точка; она быстро приближалась, превращаясь в автомобиль и обрастая деталями. Наконец, встречная машина с ревом промчалась мимо, обдав Айвена горячей смесью запахов летней степи и выхлопных газов.

«Каста, – продолжал думать свою мысль Айвен – как бы беседуя с неким не очень умным человеком, которому приходится объяснять очевидные вещи, – да, я водила-дальнобойщик, как и мои родители, как и родители моих родителей – далеко в глубину времен. Мы водим большие грузовики, а наши женщины держат дом и рожают новых дальнобойщиков, смену. Бывает, конечно, что и женщины садятся за руль – если, например, в семье одни только девчонки, а замуж выйти так и не получилось. Что поделаешь, бывает. Ведь баллы нужны, без работы никуда. Баллы, баллы... Опять эти баллы – ну никак без них. Чем ты ни занимайся, что ни делай, все равно вернешься к баллам, святой Дизель их возьми».

На мгновение Айвен перевел взгляд: справа, под лобовым стеклом, маленький Рудольф Дизель¹ придиричиво гля-

¹ Рудольф Кристиан Карл Дизель – немецкий инженер, в 1897 г. изобрел ди-

дел на Айвена сквозь очки, топорща седую щетку усов. Рядом с ним грустно хмурился святой Маркус². Эти иконы когда-то принадлежали отцу Айвена, а до того – деду. Теперь они хранят Айвена.

Губы зашевелились сами собой, повторяя простые слова. Как всегда после дорожной молитвы, Айвен ощутил покой и тихую ровную радость. Машина стремительно неслась вперед и пожирала метры, как голодный механический монстр. Нет, не монстр, конечно, другое животное – доброе, хорошее. Но очень сильное. Буйвол, например. Или, может быть, слон.

Слон... Много лет тому назад Айвену довелось побывать в зоопарке и увидеть настоящего живого слона. Существо шевелило обвисшими ушами и все было какое-то грязное, пыльное, больное. Пусть довольно крупное, но жалкое. Такой слон совсем не понравился маленькому Айвену. Едва взглянув на него, Айвен утащил родителей к палатке с мороженым. Помнится, тоже было жарко, почти как сейчас. «Солнце... Утекает куда-то время, проходят века, а вечное солнце все так же встает по утрам и раскаляет степь, и сохнет от жара трава. Потом осенний ветер пригонит темные тучи, и будет лить дождь. А там и зима не за горами. И будет так повторяться снова и снова, а я буду гонять свою ма-

зельный двигатель.

² Зигфрид Маркус – немецко-австрийский инженер, изобретатель первого автомобиля с бензиновым двигателем.

шину в Москву и обратно все по одной и той же однообразной степной дороге – до тех пор, пока могу держать руль. Да, у меня никогда не будет проблем с жильем и работой, потому что стабильность и забота о каждом гражданине, все такое. Но будет только так, установлено задолго до моего рождения, и никак иначе. Подумаешь об этом, и почему-то хочется на полном ходу крутануть руль – в любую сторону, и...»

«Да ты пойми, – мысленно оправдывался перед невидимым собеседником Айвен, – я счастлив. Конечно счастлив, а как же иначе? Мне не приходится с тревогой вглядываться в будущее, бояться неизвестности. Я не стану бездомным, я не умру от голода и холода. И если заболею, меня будут лечить. И меня, например, никогда не отправят на войну – для этого есть другие люди, профессионалы. Каста военных, у них это дело в крови. Но... Как человеку жить, когда все известно наперед? Я еще не такой старый, и я хочу – даже не верить, а просто предполагать вероятность того, что со мной однажды случится нечто необычное, из ряда вон выходящее. Чудо какое-то, что ли».

Тут Айвен с удивлением обнаружил, что его машина остановилась на обочине. Задумался, выходит, и утратил контроль над ситуацией. И это за рулем транспортного средства. Как безответственно и непрофессионально!

Айвен со смешанным чувством стыда и страха поглядел на святых, на Маркуса и Дизеля. Даже, кажется, покраснел. Потер лоб и потянулся было за сигаретами, но отдернул ру-

ку – не надо. Сигареты на крайний случай. Глянул в зеркало заднего вида и выпрыгнул из машины на черный асфальт.

Подошвы липли к нагретой поверхности. Фура, до этого все время шедшая позади, теперь быстро приближалась. «Все-таки это Чандр», – понял Айвен и заранее приветственно поднял руку. Через несколько секунд мимо него с воем промчался сине-красный вихрь, в котором мелькнула широкая белозубая улыбка. Чандр, высунувшись в окно, что-то прокричал, но Айвен из-за рева мотора и свиста рассеянного огромным автомобилем воздуха не расслышал ни слова. Проводив взглядом быстро удалявшуюся фуру, Айвен вздохнул и неторопливо обошел кругом свою машину, придиричиво оглядывая массивную тушу старушки. Убедившись, что с ней все в полном порядке, Айвен довольно кивнул и задрал голову к небу.

Солнце ползло к зениту, выжигая голубую небесную краску. Да, так оно и есть – высоко над Айвеном и его машиной уже повис полицейский дрон. Айвен некоторое время смотрел из-под руки, как маленький аппарат покачивается там, наверху, балансируя в восходящих потоках воздуха, словно пернатый хищник. Наверняка уже прицелился своей камерой и фиксирует. Айвен поскреб пальцами небритый подбородок и полез назад в кабину. «Полицейские делают нужное дело – следят за порядком на трассе. А я буду делать свое, то есть перевозить грузы. Вот так».

II. Девушка без карты

Случайная встреча – самая неслучайная вещь на свете, а люди, что назначают точное время и место свидания, это те самые, которые пишут только на разлинованной бумаге и выдавливают зубную пасту из тюбика, обязательно начиная снизу.

Хулио Кортасар, «Игра в классики»

Погруженный в свои мысли, Айвен не сразу заметил фигуру на обочине. А когда все же заметил, сразу же сбросил скорость. На всякий случай, мало ли что на уме у незнакомо-го человека. Два года назад вот так же стоял один на обочине, а потом взял и сиганул под машину – Айвен даже по тормозам не успел дать рефлекторно, да и хорошо, что не успел. А то было бы два трупа вместо одного.

Вот почему они так часто бросаются под машины? Жизнь есть жизнь, конечно, всякое бывает, но разве нельзя найти более приятный способ сказать «стоп»? Не такой омерзительный способ? Ведь страшно даже представить, что происходит в этот момент... Вообразите себе, что происходит с хрупкой человеческой головой под колесом многотонного грузовика. Череп вдребезги, в разные стороны жидкости брызжут. Человек, он на 70 процентов из воды состоит.

Попробуйте наехать колесом на пластиковую бутылку с водой... И машина во всем этом, а до мойки пара сотен километров. И жара, например.

Поэтому Айвен предусмотрительно замедлил свою старушку. Человек на обочине, видимо, заметил это и тут же вытянул в сторону руку. «Ну надо же, – подумал Айвен. – Нашел место, чтобы попутки останавливать. Пять минут назад мелькнула справа придорожная забегаловка с автоматической автозаправкой. Там и надо было стоять».

Теперь Айвен явственно видел, что на обочине девушка. А это совсем другое дело! Рот Айвена сам собой растянулся в улыбке, и он молодежато подвел машину к обочине, остановившись так, чтобы дверь оказалась точно напротив девушки. Не успел Айвен кивнуть, как девушка легко взлетела в кабину и плюхнулась на сиденье справа. Взвизгнули пружины.

– Спасибо!

– Москва? – деловито спросил Айвен.

– Москва, – кивнула девушка. – Как жарко сегодня!

– Давно стоишь? – улыбался Айвен. Он знал, что его широкая улыбка нравится женщинам, и пользовался этим при всяком подходящем случае.

– Нет, не очень... Жара просто.

– Это да... А чего не у закуской? – полюбопытствовал Айвен. – Там больше шансов.

– Я там и стояла. Только вот не получилось у меня с пер-

вого раза далеко уехать, – поморщилась девушка.

Взгляд Айвена невольно опустился на ее загорелые ноги. Замечательные были ноги. Довольно короткая белая юбка и такие же белые матерчатые туфли делали эти ноги еще более загорелыми и стройными. Девушка, заметив любопытный взгляд водителя, сдвинула брови и водрузила на колени свой рюкзачок. Выпрямила спину и независимым видом уставилась вперед.

– Что же так?

– А-а, – девушка неопределенно взмахнула рукой. – Ерунда, не стоит...

– По-о-онял, – протянул Айвен и тоже стал глядеть вперед, все еще улыбаясь. «Ладно, – подумал он, – сейчас зайдем с другой стороны».

– Ты в Москве живешь?

– Нет, – отрицательно покачала головой девушка, отчего ее русые волосы рассыпались по плечам. – В гости еду. Собралась родных навестить.

– А чем занимаешься?

– Еду с вами в машине, – улыбнулась, повернув лицо, девушка.

«Хорошенькая, – подумал Айвен, – ты. Только вредная. Нельзя ответить по делу, что ли? Что это за тайны такие?»

– Кроме шуток, – сказал он, – кто ты? Ну, вообще? Чем занимаешься?

Девушка снова оглянулась на Айвена и пожала плечами.

– Не хочешь говорить?

– Нет, – обрубилa девушка и снова уставилась перед собой. Впереди не было ничего интересного. Все та же прямая дорога.

– Как хочешь, – буркнул Айвен и обиженно умолк.

«Вот ведь какая попалась, а! Будто не знает, что разговор с водителем положено поддерживать. Это же, можно сказать, традиции автостопа. Эх, высадить бы тебя сейчас, —разозлился Айвен. – Так ты никогда до своей московской родни не доедешь, детка».

– Допустим, я учусь, – неожиданно подала голос девушка. – На врача.

– Врачи, как бы это сказать... не тормозят фуры на трассе, – покачал головой Айвен. – Сколько езжу, не было такого!

– Но я же только учусь...

– Все равно. Такого не может быть, не положено врачам опускаться до этого... Да и родители, ясное дело, не отпустили бы тебя одну...

– А давайте допустим, что они у меня люди широких взглядов. Умные и свободные от дурацких сословных предрассудков.

– Это как? – фыркнул Айвен.

– От этой чуши, которую вам навязывают.

– Кому это – вам? И кто навязывает? – Айвен все больше раздражался.

– Вам – это тем, кто в основании пирамиды. Тебе и таким,

как ты. А кто навязывает, тоже понятно. Те, кто на самом верху.

– Слушай, а это не предрассудок – делить людей на низших и высших? Ты же знаешь, что по конституции...

– Все касты равноценны, – продолжила девушка с сарказмом.

– Конечно. Так оно и есть, – убежденно заявил Айвен.

– Равноценны, но не равны, – вставила девушка.

– Ну и правильно, – кивнул Айвен, – Каждому свое место!

– Вам самому не противно такое вот повторять? – фыркнула девушка. – Это же не ваши слова. И не ваши мысли. Потому что не может нормальный человек так думать.

Айвен даже рот разинул от возмущения. «Вот ты как заговорила!»

Девушка снова выпрямилась, сжав загорелые коленки. В кабине повисло облаком тягостное молчание.

– Знаешь, ты странные вещи говоришь... – покачал головой Айвен. – Очень странные, очень!

Девушка хмыкнула и дернула плечами. Потом повернулась к Айвену и неожиданно широко улыбнулась ему. Обезоруживающе улыбнулась, и все раздражение исчезло, как не было. «Какие ровные белые зубки, – подумал Айвен. – Здоровые зубки, чистая кожа, волосенки эти. И вся такая аккуратная, как с картинки. Самоуверенная. Может, и правда она из касты врачей. Какая мне разница, в общем-то? Совершенно никакой разницы. Просто подвожу симпатичную дев-

чонку. Повезло, можно сказать, а я тут подозрения развел».

И только Айвен собрался поинтересоваться у симпатичной девчонки, как ее зовут, как она вдруг спросила первой:

– Скажите, вы Москву хорошо знаете?

– Хм... – Айвен даже растерялся. – Как сказать... Только по работе. То есть окраины неплохо знаю, а в центр большегрузы не пускают. Хотя я выбираюсь и в центр иногда, конечно. Когда время есть свободное или просто... Ну, пару раз ездил, чтобы развлечься. А что?

– Сегодня вечером мне нужно быть в «Собаке». Бывали там?

– «Собака»? – сморщил нос Айвен.

– Да. Ну, знаете, заведение такое... Ночной клуб, кажется.

– Н-нет, не помню никакой «Собаки». Где это хотя бы?

– Я у вас и хотела спросить, – засмеялась девушка. – Ладно, найду как-нибудь.

– Можно же в сети посмотреть... У тебя наверняка есть доступ.

– Угу.

– Потусить? – ухмыльнулся Айвен понимающе.

Девушка фыркнула.

– А что, нельзя?

– Почему нельзя? Когда я молодой был...

– И давно вы состарились? – хмыкнула девушка.

– Ну, как давно, – смутился Айвен. – Тридцать шесть мне все-таки.

– Серьезно? – изобразила искреннее удивление девушка. – Ни за что бы не подумала!

Айвен довольно осклабился – он и сам полагал, что выглядит гораздо моложе своих лет, и очень любил, когда об этом говорили другие. Но вдруг закралось подозрение, уж не издевается ли эта зубастая девица.

– Почему ж ты все-таки решила на попутках ехать? – спросил Айвен, чтобы как-то продолжить разговор. – Есть и другие способы попасть в Москву, гораздо более удобные и... менее опасные как бы.

Девушка бросила на Айвена быстрый оценивающий взгляд.

– Дело в том, что есть одна проблема. Представляете, я потеряла карту.

– ID-карту? – поразился Айвен. – Как так? Когда?

– Ох, – вздохнула девушка. – Вчера, кажется. Знаете, я ее на цепочке носила... Вот вместе с цепочкой и потеряла. Наверное, порвалась цепочка, и...

– Ну ты даешь! – Айвен неодобрительно покачал головой. – Это ни в какие ворота...

– Что ж теперь делать. Бывает.

– Слушай, – Айвен покосился на девушку. – Так ты в полицию-то заявила? Как положено.

– Нет пока. Я решила в Москве этим заняться. Не до этого было как-то...

– Это же серьезное нарушение! Смотри, баллы спишут!

Да и вообще... Так-то я заявить должен.

Девушка промычала что-то неопределенное и отвернулась.

«Ексель-моксель, – подумал Айвен, – не нравится мне эта история. Девушка (далеко не глупая, судя по всему) едет без карты в другой город. Может быть, сумасшедшая? сейчас многие вот так, с бухты-барахты, сходят с ума почему-то. Кстати, а с чего бы ее высадили из той, другой машины? Что-то тут не ладно».

А девушка чего-то замолчала. Напряженно глядела перед собой, поджав губки, и молчала. «Ну надо же, – подумал Айвен, – смотри-ка на нее. Размолчалась тут. Уж и спросить ничего нельзя, да? А лезть в машину к порядочным людям вот так, без карты, можно, выходит? А ну остановит меня на въезде в город дорожная полиция. Спросит, а кого это мы везем? Так-так, предъявите карты! Что, нету ID? А ну-ка, капрал, давай обоих в участок до выяснения. У этого тоже историю проверь, что и как. И не забудь ему штраф выписать за то, что занимается незаконными пассажирскими перевозками на дальние расстояния, работу у других крадет.

Не хватало мне этих проблем, – занервничал Айвен. – Высадить ее к чертям, что ли? Да только нехорошо как-то, не по-человечески. Если уж на то пошло, мог бы и сразу карту спросить... Никто же не заставляет ее подбирать, сам остановился. А высадишь девку тут, так сколько ей, бедняжке, на жаре-то придется торчать? Опять же, полицейские дро-

ны, наблюдение – практически моментально засекут, полиция заинтересуется, и... Если уже не заинтересовалась, кстати».

Айвен с тревогой открыл окно и, на секунду отвлекшись от дороги, высунул голову из кабины. Тяжело вздохнул.

«Ладно, довезу тебя до города, – решил он, – сделаю доброе дело, раз уж назвался груздем. Может, оно и обойдется. Наверняка все будет нормально, зря только накручиваю себя. Первый раз, что ли, подбираю людей на трассе? Да и все дальнобойщики испокон веков так поступают. Как-нибудь да обойдется!

Вот есть у меня такая черта, – подумал Айвен, – близко к сердцу все принимать. Слишком много думаю. Проще надо быть!»

– Ладно, – пробормотал он. – Сиди, довезу.

Девушка оглянулась, и что-то мелькнуло в ее взгляде. «Странная ты все-таки, – сказал себе Айвен, – очень странная. Такая недоступная и настороженная, а едешь на попутках черт знает куда. Кажется, боишься, а все равно едешь. И карту потеряла, говоришь? Ну-ну. Да ее за пару часов восстановить можно в любом отделении, разве это проблема? А вот на трассе без карты...»

И тут Айвена буквально осенило. Он даже хрюкнул от неожиданности, так все вдруг оказалось просто и понятно.

– Ты тага!

– Чего-о? – повернулась к нему девушка.

– Ты, – повторил Айвен, – тага?

На лице девушки мелькнуло выражение гнева и досады. Она уставилась на Айвена, будто не веря своим ушам и ожидая, что Айвен вот-вот извинится.

– Ну, правильно я догадался? – повторил Айвен, но уже с меньшей уверенностью. – Так?

Девушка вспыхнула. Краска залила ее лицо, и на тонкой переносице вдруг проступили веснушки. Айвен понял, что ему уже ничего не светит.

– Останови, – сказала она тихо, но при этом каждый звук в этом слове был четким и хрустел, как битое стекло. Айвену показалось даже, что в кабине на секунду стало как-то прохладнее.

– Останови. Я выйду.

Тон не предполагал никаких возражений. Айвен помимо своей воли повернул руль вправо. Тяжелая машина выкатилась на обочину и, пройдя по инерции сотню метров, остановилась, сильно качнувшись вперед. Девушка, не говоря ни слова, подхватила рюкзачок и выпрыгнула из кабины. Хлопнула металлическая дверь. Айвен сидел и смотрел, как девушка идет по обочине, быстро перебирая своими стройными загорелыми ногами в белых туфлях. Маленький рюкзак закинут за спину, юбка красиво облегает бедро. Из-под белых подошв в воздух поднимаются облачка пыли.

– Святые угодники, – пробормотал Айвен. Дизель и Мар-

кус нахмурились и глядели теперь на Айвена с явным осуждением. «Зря я так, – подумал Айвен. – Ох, зря! Теперь один дальше поеду, как последний дурачок. Недотепа. И ведь даже имени ее не спросил».

III. Эра Стабильности

Каждый из нас должен задаться вопросом: сделал ли я все от меня зависящее, чтобы обеспечить стабильный мир и процветание в моем городе, в моей стране?

Нельсон Мандела

Весь остальной путь до Москвы Айвен проделал, упражняясь в самобичевании и самоедстве.

«Это ж надо, а! Заподозрить в принадлежности к касте омерзительных тагов³ – преступников, воров и убийц – и кого? Беззащитную тоненькую девчущку, которая путешествует в одиночестве и, конечно, очень нуждается в участии и помощи. Что ж нашло на меня? Ох, святые Дизель с Маркусом, как же так-то? Ой, стыдно-то как».

Айвен в отчаянии поглядел в зеркало – никаких девушек, конечно, позади уже не было, а были только сероватое небо (Айвен знал, что старое зеркало безбожно искажает цвета) и прямая дорога, по которой ползли – а на самом деле, мчались с бешеной скоростью (Айвен тоже немилосердно гнал свой грузовик) немногочисленные фуры. До Москвы оставалось что-то около часа.

³ Таги (тхаги, туги) – индийская секта поклонников богини Кали. Занимались грабежами на дорогах, обвинялись в совершении ритуальных убийств.

«Ничего не поделаешь, – подумал Айвен. – Стыдно, но что случилось, то случилось».

Он тяжело вздохнул. «Вот так вот оно бывает, дружище, – сказал он себе. – Вылезает откуда-то из глубины всякая дрянь. И когда оно успело накопиться-то, скажи? Тошнотворный липкий ил, которому и названия нет... Хоть разворачивайся и назад езжай. Неправ, мол, извини. Да уж, что сделано, то сделано».

Айвен вел машину, вцепившись в рулевое колесо и сосредоточенно уставившись в асфальт, стремительно убегающий под капот.

Москва, значит. Ладно. Когда-то давно Москва находилась совсем на другом месте, где-то далеко на западе. Но та древняя, железновечная Москва примерно двести лет тому назад превратилась в непролазные бетонные завалы и лужи расплавленного адским пеклом стекла и металла. Теперь в этих осыпающихся завалах нашли себе прибежище дикие животные – волки, медведи. И если бы только волки да медведи. Поговаривают, что в древних городах водятся существа, которым и названия-то нет.

Когда все успокоилось и наступила стабильность, люди ушли подальше от выжженных адским огнем мегаполисов и выстроили для себя новые города – просторные, наполненные солнечным светом и свежим ветром. Один из этих прекрасных новых городов, никогда не знавших социальных потрясений, эпидемий и войн, они назвали Москвой. Зачем

придумывать городу новое имя, если освободилось так много старых? Сегодня Москва – это молодой и стремительно растущий вширь и ввысь город (не такой, конечно, как Столица, но все же очень большой, красивый). По крайней мере, Москва гораздо больше того городишки, в котором родился и до сих пор живет Айвен.

Эпоха процветания и здравого смысла. Эра Стабильности. Социальная защищенность и уверенность в завтрашнем дне. Пятый век, он же алмазный. А пятый он потому, что до него было четыре металлических века – золотой, серебряный, медный и самый страшный – железный⁴. Изъеденное ржавчиной железо рухнуло, подняв облака радиоактивной пыли, но в страшном жаре войн и катаклизмов родился неразрушимый алмаз.

Ничего этого не было бы, если бы не Лучшие. Это они подхватили умирающее человечество, приняли его измученное тело в свои сильные руки и вдохнули в него новую душу и новую вечную жизнь. Они без жалости отбросили ненужное, оставив лишь самое ценное, и человечество возродилось. По всей земле расцвели сады, поднялись к небу, как диковинные растения, великолепные здания. Человек еще глубже проник в тайны мироздания и отправился покорять другие планеты. Все это стало реальностью только благодаря

⁴ Эти четыре века человечества упоминает Публий Овидий Назон в своих «Метаморфозах». Кроме того, «Махабхарата» также говорит о четырех веках-югах – Сатья (Крита), Трета, Двапара и Кали.

правильной, справедливой организации общества, которую принесли Лучшие.

Конечно, наше общество организовано очень сложно, но вся эта сложность необыкновенно проста и гармонична, если смотреть под правильным углом. Каждому человеку с рождения определено особое место, и, что очень важно, место это свято. Никто другой на него никогда не посягнет, а если и посягнет, то ничего не получится, ибо охраняется оно всей потрясающей мощью Государства, всеми его мудрыми законами, а также зоркой полицией. И стальными легионами. Отныне место под солнцем найдется для каждого без исключения, вне зависимости от физических особенностей и кастовой принадлежности, и все благодаря идеальной системе, созданной Лучшими на основе доказавших свою жизнеспособность традиционных социальных моделей. Институт каст освящен тысячелетиями, Лучшим даже не пришлось ничего изобретать – достаточно было вспомнить и выбрать оптимальный вариант. Кастовая система и стала тем крепким надежным скелетом, который не дает расползтись живым органам и тканям великого организма человечества, как это неоднократно случалось в прошлом. Теперь мы действительно едины.

*И тело сбросило с себя оцепененье, пришло оно
в движенье.*

*Руки с охотой
занялись работой,*

*и ноги живо зашагали,
глаза открылись, засияли,
а уши стали слушать,
желудок начал пищу принимать,
а голова спокойно размышлять.⁵*

«Надо же, до сих пор помню эту школьную притчу, – обрадовался Айвен. – Сказку про то, как важно действовать сообща. Вот что значит хорошая память! Спасибо святым за этот бесценный дар. Хотя вроде и не так уж нужна она мне, водиле, эта память-то – чтобы я не заблудился в дороге, существуют навигаторы. Зато я помню все, что необходимо, и даже немного сверх необходимости. Иногда даже то помню, что хотелось бы, в общем-то, навсегда забыть».

Касты... Благодаря этой системе человеку не нужно ломать голову, кем быть и что делать. Все решено еще до его рождения, притом наилучшим образом. Все ясно и предсказуемо: сын ученого станет ученым, сын аптекаря – аптекарем, а сын кастронавта⁶ полетит к звездам. Никто не заблудится в своих изменчивых желаниях. Никто не ест чужой хлеб. Потрясающий рост эффективности труда, недостижимая доселе социальная стабильность – они стали надежным основанием, стартовой площадкой для великого броска вперед и вверх. И это было не судорожное движение отчаявшегося, не бесконтрольное подергивание сумасшедшего, вовсе

⁵ «Как повздорили части тела», болгарская сказка (перевод В. Полякова).

⁶ Слово образовано от двух слов – «космонавт» и «астронавт».

нет – это было не что иное, как уверенное и тщательно продуманное движение сильного тренированного тела, опирающегося на крепкие ноги. Человек обрел твердую почву под ногами, распрямил суставы и взлетел.

Конечно, пришлось серьезно поработать. После кризиса XXI столетия строившееся веками общественное здание обрушилось и погребло под собой старый мир. Некоторое время после катастрофы люди еще помнили о принадлежности к тем или иным социальным стратам, но система перестала работать, и все смешалось. Однако нашлись люди, которые взвалили на себя огромную ответственность за судьбу человечества – сегодня их называют Лучшими. Мы не знаем их имен, но всякий раз, вспоминая первых Лучших, молитвенно складываем на груди руки. Наше сердце бьется с благодарностью. Дело Лучших продолжается в каждом из нас, живет в наших городах и дорогах, звучит в шуме гигантских автоматизированных фабрик, в тяжелой поступи стальных легионов, в реве покидающих родную планету ракет и ровном дыхании мирно спящих детей.

Мудро разделив человечество на касты, Лучшие сделали так, чтобы каждая каста отличалась от любой другой не просто родом занятий, а всем жизненным укладом, культурой, обычаями, даже святыми и богами – всем, чем один человек может отличаться от другого. Людей объединяют не боги, а надлежащее исполнение долга.

Давно забыты религиозная вражда и национальные рас-

при. Теперь, по прошествии почти двух веков, различия между кастами обрели окончательную четкость – воины крупнее и сильнее всех (так и должно быть), кастронавты адаптировались к состоянию невесомости, а рыбакам имплантируют жабры. Никто не может вставить себе жабры просто так, даже Лучшие – одни только рыбаки могут. Каждой касте достался уникальный дар, которым можно бесконечно гордиться и восхищаться. Поразительно, как кто-то умудряется быть при этом недовольным!

В конце концов, люди ведь всегда к этому стремились – чем-то отличаться от других. И теперь, когда они стали по-настоящему разными, они должны острее ощущать необходимость быть вместе, служить и помогать друг другу. Различия объединяют – вот главное знание эры Стабильности. А чтобы окончательно расправиться с жадностью и завистью – о, эти мерзкие чудовища засели очень глубоко и продолжали терзать бедных людей – было решено отказаться от денег. И вот теперь, когда человек не получает зарплату и свободен от иссушающих сердце и душу мыслей о том, как прокормить себя и семью, где взять денег, одежду и жилье, древние мерзости сребролюбия и наживы наконец-то остались лишь на страницах пыльных книг. У каждого гражданина имеется личный счет, на который от момента рождения и до самой смерти начисляются социальные баллы. Просто, как все гениальное – чем полезнее ты и твоя работа для общества и Государства, тем больше баллов у тебя на личном

счету и тем шире твои дополнительные возможности. Это справедливо, не так ли? И распределение благ теперь не зависит от какого-то одного человека, от его настроения или желания, всем управляют компьютеры. Каждый получает то, что заслужил. Нужно ли говорить о том, что голод и нищета остались в далеком прошлом? Выполняешь свои обязанности – получаешь баллы. Имея на счету баллы, отправляешься в распределитель за всем, что тебе необходимо.

Палка, естественно, о двух концах: нарушаешь установленные правила – лишаешься баллов. Это тоже традиционная, но доведенная Лучшими до совершенства система социального кредита, созданная еще в конце Железного века китайцами. Да, было когда-то такое государство, Китай – во многих сферах они обогнали свое время. В Китае на каждого гражданина заводилось дело, личная папка – «дан-ань»⁷. К каждому такому делу подшивались сведения о физических данных человека, его послужной список, информация о пройденном обучении и успеваемости, характеристики с места учебы и работы, сведения о персональных достижениях и проступках, подробности трудовой деятельности, отметки о членстве в общественных организациях – прочее, прочее. Именно из этих вот папок «дан-ань» родилась, как считается сегодня, первая система социального ранжирования, которая позволила поощрять добросовестных граждан

⁷ Личные дела граждан появились в Китайской Народной Республике еще во времена Мао Цзедунa.

и наказывать тех, кто расшатывал устои⁸. Позволила контролировать каждого человека, где бы он ни находился и чем бы ни занимался.

Есть, конечно, и недовольные, и даже те, кто готов пойти против человечества и покуситься на его достижения. А как же – там, где сияет свет, всегда есть и тени. Впрочем, если недовольный все-таки не мешает другим и не нарушает законы, если он, даже скрипя зубами от ненависти, выполняет свои обязанности и не пытается обратить в свою ересь других, его не трогают. О нем, конечно, знают – понятное дело, без внимания такого оставлять нельзя. Никто не знает, как далеко он может в своем недовольстве зайти, верно? Но пока не перешел к враждебной деятельности, пускай себе ворчит. А вот если начинает вредить... На каждого такого вредителя найдется управа. Если потребуется, вплоть до высшей меры.

⁸ 14 июля 2014 г. Государственный совет КНР обнародовал программу внедрения национальной системы социального кредита. Документ назывался «О планировании строительства системы социального кредита (2014—2020)». Основной целью внедрения данной системы объявлялось «построение гармоничного социалистического общества». В сентябре 2016 г. был опубликован уточненный перечень санкций, которые должны накладываться на граждан с низким социальным рейтингом: запрет на работу в государственных учреждениях, отказ в социальном обеспечении, более строгий досмотр на таможне, запрет на занятие руководящих должностей в некоторых отраслях (например, пищевой и фармацевтической), отказ в приобретении авиабилетов и железнодорожных билетов на спальные места в ночных поездах, запрет на обучение детей в престижных частных школах. К августу 2019 г. в «черных списках» значилось 13,5 млн. граждан КНР с низким рейтингом.

Изгнание – вот она, высшая мера наказания. Цивилизованная, гуманная мера. И тоже, заметьте, имеет корни в глубокой древности, освящена традицией. При всей ее цивилизованности и гуманности эта мера очень эффективна. В самом деле, кому захочется из рая безопасности и гарантированных благ переместиться в дикую Западную Пустыню или другие земли, откуда ушло или куда еще не вернулось Государство? Впрочем... Можно допустить и такое, однако Айвену ничегошеньки о подобных экстремалах не известно.

То, что полностью и навсегда уничтожить преступность очень сложно, если вообще возможно, Лучшие, конечно же, понимали. Уж кто-кто, а они-то понимали. Что смогли исправить – исправили, остальное встроили в систему, сделали ее частью. Так появилась каста тагов. По сути, такая же каста, как и остальные. Пусть многие недолюбливают тагов, это естественно. Точно так же люди не любят змей или пауков. Своего рода пережиток.

«Но зря я все-таки девушку обидел, – снова подумал Айвен. – Ох, зря! Какому-то наваждению поддался. Нужно держать себя в руках, не терять самоконтроля. Гражданин я или нет, в конце концов. Как сказал кто-то: «Ты Лучшим можешь и не быть, но гражданином быть обязан».

IV. Москва

У всякого мужчины, очевидно, случается хотя бы раз такое: он приезжает в город, знакомится с девушкой. И все: сам город лишь тень этой девушки. Неважно, долго ли, коротко ли знакомство, важно то, что все, связанное с городом, связано на самом деле с этой девушкой.

Джером Дэвид Сэлинджер, «Знакомая девчонка»

Айвену нравилось бывать в Москве. Конечно, отправляясь в рейс, он всякий раз недовольно ворчал – наверное, это было заложено в генах, ведь точно так же ворчали и его отец, и его дед. С большой вероятностью и прадед, и прапрадед, и остальные пра-пра-пра (сколько бы их там ни было, этих самых пра), точно так же нудно ворчали перед дорогой. Хмурили брови. Сомневались в погоде, почесывались. Долго пили горячий утренний кофе, как бы оттягивая момент отъезда. Жаловались, ясное дело, на ломоту в спине, гастрит и геморрой – профессиональные болезни водителей-дальнобойщиков. «Ну почему Лучшие не найдут способ навсегда избавить нас от геморроя, – говорил отец. – Вот это было бы дело!» Теперь так говорит и Айвен (сам себе, ведь жены и детей он до сих пор не завел).

Можно даже сказать, что Айвен любил этот город. Ему

были приятны широкие московские проспекты и обилие зеркальных поверхностей из металла и стекла, в которых отражались яркое солнце и небо с ватными облаками. Нравились Айвену и быстроглазые красавицы, одетые по моде – таких здесь было пруд пруди. В этом городе угадывалась какая-то другая жизнь, гораздо более светлая, легкая и свободная, чем жизнь Айвена. И ему тоже хотелось приобщиться этой легкости и свободы, да все как-то не удавалось.

Грузовому транспорту въезд в центр города без особого на то разрешения был запрещен, поэтому Айвен поступил так, как не раз поступал прежде – разгрузился по-быстрому, оставил машину на стоянке у базы и пешком отправился в сторону центра. «Для ночных клубов было еще слишком рано, „Собака“, конечно же, тоже закрыта. Это хорошо, есть время прогуляться, размять ноги. Ходьба, говорят, полезна. Дойду не торопясь, а если она окажется там...» Что произойдет, если девушка все-таки окажется в клубе, Айвен толком не знал, да и не хотел почему-то об этом думать. Он решил действовать по обстановке.

Если бы не эта странная встреча, все было бы по-другому. Как всегда было бы. Простая, но сытная еда в комплексе неподалеку от базы, пять минут на горячей от солнца лавке с зубочисткой в зубах – и в обратный путь. Ночью был бы дома. Спать в своей собственной постели всегда лучше, однако... Теперь Айвен оказался выбит из привычной колеи. И, если честно, был рад этому.

«Допустим, она будет там, – снова подумал Айвен. – Ну да, я подойду, конечно, извинюсь. Возьму «газ» или что она там предпочитает. Узнаю хотя бы, как зовут. Посидим немного, поболтаем о пустяках, если сложится. Почему бы нет? Моя совесть успокоится, а завтра на рассвете с этой самой чистой совестью я отправлюсь восвояси.

А если ее там не будет? Если с ней что-то случилось в дороге? Тогда что?« Это опять влез другой, сомневающийся, Айвен, который всегда все портил своими неуместными вопросами и брюзжанием. „Ну, что тогда ты сделаешь? Пойдешь в полицию и скажешь – мол, подвозил тут девушку одну до города, не приключилось ли с ней чего? Ну-ну. А ты, спросят тебя в полиции, зачем ее подобрал? Законов не знаешь? Ну давай, садись и пиши, как все было. И права сдай.

Может быть, я зря туда собрался, в «Собаку» эту? Зачем мне это, в самом деле? Ведь и правда дурацкая затея. Да и вообще – очень нужны ей твои извинения, сам посуди».

Айвен замедлил шаг и, наконец, остановился в нерешительности, уставившись на высокий забор, в несколько слоев покрытый затейливыми разноцветными граффити (какие-то из рисунков и надписей были совсем свежими, какие-то потускнели – то ли на солнце выцвели, то ли дожди краску смыли). «Может, и правда, не стоит ходить туда. Даже если она придет, у нее же встреча. Наверняка ей не до меня будет. Да и вообще, кто я такой? Совершенно случайный человек, некий безымянный водила с трассы. Даже и не подвез.

С другой стороны, если уж решил идти, так иди. К чему эти сомнения. Даже если не будет ее, другие девушки будут. Это же клуб, мужик, там этого добра всегда навалом. Не зря хоть в Москве побываешь. Когда ты в последний раз куда-то выбирался, если не по работе? А придет она, так еще лучше! Извинишься, то да се... Мало ли. Оттянешься, отдохнешь хоть по-человечески. Давай-давай, иди, шевели поршнями!»

И Айвен пошел, с каждым шагом все уверенней и целеустремленней. Вскоре разрисованные одинаковые заборы промышленных зон сменились столь же одинаковыми блоками жилой застройки. В арках и проездах обнаруживались уютные внутренние дворы с детскими площадками. Но детей было совсем мало – оно и понятно, теперь их принято отправлять на лето в профильные интернаты. Наступал августовский вечер, и густели синие тени, стекавшие к подножию высоких зданий, и в глубине дворов уже начинала клубиться понемногу прохладная темнота, такая приятная после жаркого дня.

Когда Айвен достиг центра, уже зажглись электрические фонари, и повсюду разлились эти белые лужи искусственного света – немного голубоватые, как обезжиренное молоко. С наступлением темноты улицы все больше наполнялись людьми, и каждый, кто проходил под таким молочным фонарем, на несколько секунд становился совсем беззащитным – словно голый человек, которого окружает множество одетых людей. Поэтому Айвен подсознательно старался идти

так, чтобы избегать фосфоресцирующих луж света или, если иное было невозможно, проходить по самому их краю. Наверное, со стороны такое маневрирование казалось довольно странным. Но Айвен не думал об этом, его занимали совершенно другие мысли.

Наконец, он вышел к хорошо знакомой площади Справедливости. На площади, как обычно, толпился народ – в основном, молодняк. У находящейся в центре площади высоченной граненой стелы (в стиле эры Стабильности), уходящей в чернильное небо и теряющейся в буровой ночной хмари, была установлена просторная, украшенная мерцающими разноцветными гирляндами платформа – очевидно, предполагалось какое-то культурно-массовое мероприятие. Айвен направился к компании что-то весело обсуждавшей молодежи. Вежливо дождавшись паузы в разговоре, спросил, как пройти к «Собаке» (навигаторов Айвен отродясь не имел – из принципа).

– «Собака»? – переспросил парень, подняв бровь. – Ну, что-то такое было...

Айвен кивнул.

– Я знаю! – вышла вперед невысокая круглолицая девушка, откинув падавшую на глаза челку. – Это вот там, за белым зданием, видите? Да-да, там. Идите прямо и увидите.

Айвен кивнул и скорчил забавную рожу. Девушка засмеялась в ответ, сверкнув брекетами. «Почему отзывчивые девушки обычно некрасивые?» – подумал Айвен, но не придумал

мал ничего лучше, как молча кивнуть.

А молодежь все прибывала. Айвен спешно покинул людное место, вывернув на одну из улиц, радиально расходящихся от площади. Только Айвен завернул за угол здания, как в спину ему ударил плотный электрический звук – густой, выдувающий и без того недостаточно определенные мысли. «Э-э, вовремя я ушел, – обрадовался Айвен. – Пронесло. И они называют это музыкой? Да, странное поколение».

Действительно, клуб оказался неподалеку. Вход в ночную «Собаку» был украшен приметной вывеской – огромная собачья миска с торчащей из нее костью. Кость неравномерно пульсировала в темноте. Да уж, не пропустишь. Эта вывеска не вызывала у Айвена доверия. «А ты не брюзжи, – одернул себя Айвен, – нашелся тоже ценитель. Что ты в этом понимаешь? Ты в музее когда в последний раз был-то, знаток? А в кино? Отец любил кино».

Странное дело, но Айвен ощущал какое-то волнение, непонятно откуда оно взялось. Какою-то робостью. Он остановился перед дверью и стал рыться в карманах, будто бы забыл что-то... Да что за ерунда! «Стой, – сказал себе Айвен, – ты же взрослый мужик. Возьми себя в руки! В чем дело?»

– Не знаю, – ответил Айвен. О, давненько он не появлялся, это Айвен-подросток. – Я не знаю, правда!

– Осмотрись, возьми чего-нибудь и жди, раз пришел уже.

Давай!

Тяжелая черная дверь скрипнула пружинной. В клубе было темно и пахло «газом», этот специфический кисловатый запах удовольствия. Что-то довольно мелодично звенело и брякало – оглядевшись, Айвен заметил в низком потолке черные круги динамиков.

За стойку Айвен садиться не стал, потому что ему не хотелось торчать на виду в незнакомом месте. Посетителей, впрочем, оказалось немного – может, по меркам москвичей, было еще слишком рано. Худенькая равнодушная девушка в строгой белой блузке и черном фартуке приняла заказ. Через минуту перед Айвеном возникли красно-оранжевый жестяной баллон и пластиковое блюдо с булкой, между двумя половинками которой были зажаты лист салата и аппетитный кусок пористого искусственного мяса. Салат оказался настоящим.

Айвен сделал пару вдохов. Почти сразу забегали по телу знакомые «мурашки», голова стала пустой и легкой, как воздушный шарик. Айвен расслабленно откинулся на спинку стула, приготовившись ждать.

Время от времени в клуб входили новые люди, но кто-то и уходил, так что «Собака» все время оставалась полупустой. Понемногу Айвен окончательно успокоился. Вытянул ноги под столом (они приятно гудели от долгой ходьбы), а затем вообще снял кроссовки, оставшись в носках – так стало совсем хорошо. Негромкая однообразная музыка не беспоко-

ила, скорее наоборот. Жизнь налаживалась.

Только Айвен собрался взять второй «газ», как вошла она.

Айвен невольно подался вперед, нашаривая ногами обувь и собираясь встать, но навстречу девушке уже торопился высокий смуглый парень. Он подхватил ее под руку и, шепча что-то на ухо, увел в другой угол, куда-то за широкую колонну.

– Вдруг какой-то паучок нашу муху уволок⁹, – пробормотал Айвен. Он не был уверен, что девушка его заметила. Скорее всего, она не заметила. «Святой Дизель, все-таки как темно здесь, в „Собаке“. Что, лампочки у них кончились?»

Теперь Айвен пожалел, что забился в самую темноту. Ну, ничего не поделаешь, придется подойти самому.

Айвен поднялся и даже успел сделать несколько шагов, как вдруг девушка, сопровождаемая своим смуглым спутником, неожиданно появилась перед Айвеном. Она тут же заметила его, глупо улыбающегося, вставшего столом посреди зала, и глаза ее расширились от удивления. Смуглый парень замедлил шаг и тоже посмотрел на Айвена – нагло так посмотрел, с вызовом, и даже, как показалось Айвену, с ухмылкой превосходства. А девушка коротко кивнула Айвену и пошла к выходу. И все, ничего больше.

Собственно говоря, все это длилось какую-то пару секунд. Айвен, чувствуя себя полным идиотом, развернулся на сто

⁹ Вдруг какой-то старичок Паучок Нашу Муху в уголок Поволок... (К. И. Чуковский, «Муха-Цокотуха»)

восемьдесят и деревянным шагом вернулся за свой столик. «Ну и зачем я сюда шел, – думал он с горькой досадой, – зря только подошвы топтал. Ну вот, опять все не так, как нужно. Да еще этот, который с ней... Москвич. Паучок-москвичок. Может, надо было догнать и врезать ему?» – «Ага, – скептически ухмыльнулся тот, другой Айвен, – чтобы с тебя баллы в ноль списали за хулиганство. Иди, догоняй, пока далеко не ушли!»

Но Айвен сел и направил в рот струю «газа». Ох, и мерзкая же штука. Гадость. Кислятина. Айвен поморщился, обтер губы тыльной стороной ладони, чтобы избавиться от неприятного привкуса, и двинулся к выходу. С площади доносился грохот музыки. Отыскав табличку с названием улицы и номером дома, Айвен вызвал такси и отправился в мотель, который находился на окраине города – где-то недалеко от базы, возле которой осталась машина.

Полночи ворочался в кровати – то казалось, что слишком душно, то подушка не так лежала. Комната была маленькая, и густая темнота давила грудь, так что приходилось дышать глубже и чаще. Вконец измучившись, Айвен встал, раздернул затхлые плотные шторы и открыл окно, впустив внутрь свежий ночной воздух. Небо, подсвеченное городскими огнями, было тусклым и почти беззвездным. Окно выходило на обнесенный забором, перепаханный гусеницами тяжелой техники пустырь, который, очевидно, представлял собой строительную площадку – под фонарем лежали какие-то

блестящие металлические конструкции, а посреди пустыря угадывалась глубокая яма, из которой торчала к небу коленчатая лапа робота-экскаватора. «Под фундамент роют», – догадался Айвен, и от банальности и этой мысли, и стоящих за мыслью человеческих занятий ему сделалось вдруг невыносимо тошно, как от несвежей жирной пищи. Айвен лег грудью на подоконник и свесил голову за окно, но рвотный позыв больше не повторялся.

«Вот чего нам всем не хватает, – думал Айвен, – чего? Зачем она поехала в эту Москву таким неудобным способом, что ей здесь нужно? Зачем я решил искать ее? Почему так много вопросов без ответа? Все зря. Почему все так тошнотворно? Столько самоубийств – номера телефонов психологической помощи теперь висят на каждом заборе, и куда ни пойдешь – везде обнаруживаешь в поле видимости эти цифры. «Ты не один». Говорят, что люди кончают с собой, потому что не знают, чего еще хотеть. Не могут придумать себе занятий. С жиру бесятся. Может быть, оно и так, только... Если, на самом деле, все эти люди хотят чего-то такого, что никак не могут получить? Чего-то действительно важного, необходимого для жизни?

Если бы знать, чего мне не хватает. И почему так тошно становится иногда, особенно по ночам. И одиноко, даже если спишь не один».

«Возьми себя в руки, – приказал некий строгий и подтянутый Айвен. – Пойди умойся холодной водой, что ли, и ло-

жись спать. Тебе нужно выспаться, завтра рано утром в дорогу – несколько часов осталось. Дорога хоть и знакомая, но ужасно монотонная, клюнешь носом, и окажешься в кювете. А на большой скорости это верная смерть».

– А что в ней плохого, в смерти-то? – неожиданно для себя вслух сказал Айвен и сам испугался этого вопроса. Но сразу как-то полегчало, отлегло от сердца. Наверное, просто надо было комнату проветрить. Вентиляция не работает, что ли? Всегда нужно проветривать помещение перед сном, как говорил и делал отец. Не следует забывать об этих элементарных вещах.

Айвен, кивнув своим мыслям, улегся на узкую кровать, отвернулся к стене и тут же уснул мертвым сном.

V. Письмо

Никогда не было такой веры в чудо, как в наше время, чуждое всяким чудесам.

Эрих Мария Ремарк, «Ночь в Лиссабоне»

Он хорошо запомнил день, когда пришло письмо.

Это был холодный ноябрьский день. Уже выпал снег, но он не лежал сугробами, как положено нормальному снегу, а ползал змеиной поземкой с места на место, прижимаясь к бордюрам, набиваясь светлой пылью в трещины асфальта и бетона. С этим странным снегом перемешались выцветшие палые листья и мелкий городской мусор, и все вокруг стало не белым, а серым – небо, деревья, здания и заборы. Редкие цветные пятна теперь притягивали взгляд, их не хотелось терять из виду.

Айвен проснулся рано. Невнимательно, равнодушно позавтракал, заглянул в комнату матери – она услышала скрип двери и подняла голову с подушки. Перекинулись парой ничего не значащих слов, и Айвен вышел из дому. Зябко пожегся на ледяном ветру и поднял воротник куртки. Зашагал, опустив глаза. Думать не хотелось.

В мастерской сказали, что придется менять подшипник на заднем мосту. А еще потек турбокомпрессор, но тут, мол,

надо проверять весь узел. Айвен молча выслушал механика, пытаясь подсчитать в уме предстоящие расходы. Механик, когда говорил с Айвеном, прятал глаза – наверное, насчитал чего-то лишнего, как всегда. Ох, не вовремя эта поломка...

Делать нечего, двинул назад, домой. Серая пелена в небе местами истончилась, и в прорехи выглядывало маленькое тусклое солнце. Глаза слезились от ветра, он щипал за уши и жег влажные веки, и оттого слезы текли еще сильнее.

Повернув за угол, Айвен лицом к лицу столкнулся с Курцхалия. Завидев Айвена, Натан хитро прищурился и подвигал, будто причмокивая, своими широкими влажными губами – очевидно, это изображало радость нечаянной встречи. Айвен коротко кивнул товарищу и собирался было обойти его, чтобы продолжить путь, но грузный Курцхалия неожиданно сделал стремительный шаг в сторону, так что Айвен уперся ему в грудь (а точнее, в живот).

– Куда же ты спешишь так, свет очей моих? – певучим бархатным голосом спросил Натан, крепко удерживая Айвена на месте своими большими руками. От Курцхалия вкусно пахло пряностями и алкоголем.

– Мне идти надо, – ответил Айвен. Кожу лица стянуло от холодного ветра, и слова выходили корявыми, неразборчивыми. – Домой.

– Зачем идти домой, – с неподдельной грустью в своих темных глазах молвил Курцхалия, – когда тебя я в гости приглашаю? В мой дом войди скорей, чтоб сесть за стол со мной!

– А что за день такой сегодня? – морщась, поинтересовался Айвен. – Праздник какой-то?

Натан Курцхалия выкатил глаза, отстранился от Айвена и, торжественно воздев к серому небу толстый свой указательный палец, провозгласил:

– Я утром просыпаюсь с содроганием и чуть не плачу, зная наперед, что день пройдет, глухой к моим желаньям, и в исполнении их не приведет!¹⁰

Потом снова привлек к себе Айвена и спросил прямо, дыша перегаром:

– Так ты пойдешь ко мне, дружище?

– Отпусти, – тихо попросил Айвен и, снова оказавшись на свободе, неловко соврал: – Знаешь, мне сегодня не до этого... Занят, не могу. Не получится.

Курцхалия, вздохнув, махнул рукой и, потеряв всякий интерес в Айвену, пошел своей дорогой. Айвен смотрел ему в спину – такую огромную спину, еще более широкую, чем на самом деле, в бесформенной теплой куртке.

– Может, случилось чего?.. Натан!

Но Курцхалия уже скрылся за углом.

Дома было тихо. Мать возилась на кухне, звякая посудой. Айвен прошел в гостиную, включил телевизор и уселся на диван, постепенно согреваясь. По всем каналам шли однообразные утренние передачи – зарядка для детей или

¹⁰ И. Ф. Гете, «Фауст».

утренние шоу. Такие, знаете, где двое разнополых ведущих за столиком и все очень положительно, все можно решить в два счета. Искусственная бодрость, грим, натянутые на черепа улыбки. О пользе или вреде некоторых продуктов, например, или как пересаживать нежные комнатные растения. Новые базы на спутниках Юпитера. Как правильно выбрать детскую зубную пасту. Айвен тупо глядел в бессмысленно мельтешащий экран, пока не уснул.

Снилась ему какая-то ерунда. Незнакомые лица, которые медленно шевелили губами и пучили глаза, как диковинные глубоководные рыбы. Таких рыб Айвен видел однажды в детстве, когда родители водили его в океанариум. Теперь за толстым стеклом были не рыбы, а человеческие лица, но все остальное было точно так же, как в детстве – приглушенный голубой свет вокруг, сине-зеленые массы мутноватой воды, поднимающиеся куда-то вверх пузырьки воздуха. Пальцы удобно лежат в большой отцовской ладони. Мама просит улыбнуться, она очень любит делать снимки, но никогда их не пересматривает. Напуганные яркой вспышкой, лица-рыбы сбиваются в стаю и пятятся назад, продолжая что-то говорить людям, пытаясь донести до них что-то очень важное. И со всех сторон Айвена и родителей окружает вода – есть только узкий проход, вроде тех, что оставляют черви в яблоке. Этот проход медленно сужается, и нужно уходить.

Очнулся Айвен уже после полудня. Телевизор молчал, но-

ги Айвена были заботливо укрыты пледом. Некоторое время Айвен лежал неподвижно, приходя в себя после свинцового обморочного сна. Собравшись с мыслями, нехотя встал и отправился в свою комнату. До самого вечера он совершенно свободен, а вечером... «А вечером мы посмотрим», – сказал себе Айвен, потирая лоб. Немного болела голова, как это бывает после дневного сна.

Тогда-то Айвен и обнаружил в своей электронной почте это самое письмо.

В письме, написанном официальным тоном, некто уполномоченный уведомлял Айвена, что 15 ноября 198 года он, Айвен Новацки, методом случайного машинного отбора был определен Королем Сатурналий.

«Королем, – прочел еще раз Айвен, с трудом вникая в смысл слов. – Сатурналий».

Далее Айвену предлагалось прибыть в Столицу для исполнения своего гражданского долга и прохождения инструктажа. «О деталях сообщим дополнительно. Поздравляем, секретарь организационного комитета Сатурналий-198 такой-то» (незнакомые имя и фамилия, на которые Айвен не обратил внимания).

Он откинулся на спинку стула, положив руки перед собой. Шумно выдохнул. Перечитал письмо еще раз. И еще. И еще, для верности.

– Нет, вы серьезно? – спросил Айвен. – Серьезно?

Вскочил, скрипнув стулом, и подошел к окну. За окном

находился крохотный задний дворик, такой знакомый, сейчас засыпанный жухлой листвой. Двор был обнесен выкрашенным коричневой краской щелястым забором. На заборе сидела неизвестная Айвену крупная птица. Она заметила Айвена за стеклом и теперь настороженно следила за ним одним глазом.

Айвен вернулся к столу. Письмо никуда не исчезло, вот оно, на экране. Так и есть, вверху эмблема Государства – стилизованный кристалл в звездном кольце.

– Мне до сих пор кажется, что кто-то подшутил надо мной.

– Нет, это не шутка.

– Я не знаю, как мне быть.

– Просто прими это. Ты же хотел перемен?

– Да, но... Разве такое возможно?

– Как видишь, возможно. Ты же понимаешь, как это происходит, никаких чудес. Компьютер случайным образом выбирает один личный номер из трех миллиардов ID. Просто на этот раз выпал твой номер. Случайность.

Только теперь Айвен почувствовал, как откуда-то изнутри поднимается горячая волна радости.

Айвен знал, что в Столице Сатурналии – старинный праздник, который отмечается ежегодно с 17 по 19 декабря – проходят с большим размахом.

Сатурналии. Лучшие учредили этот праздник в самом на-

чале эры Стабільнасці. Не придумали заново, а вспомнили¹¹, как и многое другое. Сатурналии были призваны соединить далекое прошлое и настоящее. И при этом развлечь граждан, конечно.

Лучшие вообще ничего не изобретали, они лишь вспоминали то хорошее, что уже существовало когда-то раньше, но было забыто. В этом состояла и состоит мудрость Лучших, да хранит их небо. Вот так и Сатурналии – праздник древних италийцев, в конце года благодаривших бога земледелия и урожая. Когда-то, в Золотом веке, этот бог правил всей землей, то были времена изобилия и счастья. Тогда люди почитали Сатурна в надежде на то, что непростая жизнь их станет хоть немного счастливее. Теперь же этот праздник напоминает нам о тысячелетиях хаоса, страданий и лишений. На три дня мир переворачивается с ног на голову, чтобы каждый гражданин понял, что это такое – отсутствие стабильности. Зато в эти три дня каждый может делать то, что в иное время совершенно немыслимо. Даже таги на три дня откладывают свои темные дела и живут жизнью обычных людей. Праздничные толпы наводняют улицы и площади больших городов. Все позволено. Ну, почти все. Многое.

¹¹ Сатурналии (Saturnalia) – праздник у древних римлян. Ежегодно устраивался в честь Сатурна и начинался 17 декабря (к этому времени заканчивались сельскохозяйственные работы). На время Сатурналий рабы получали особые льготы: например, освобождались от обычного труда и пользовались правом есть за столом господ в их одежде, а господа при этом прислуживали своим рабам. Подробнее о Сатурналиях читайте в конце книги.

Конечно, лишь в той мере, в какой это не вредит другим.

Одним из обычаев праздника Сатурналий стало избрание карнавального короля и королевы. Шутовской король возглавляет празднество, становится его символом и центром. Все крутится вокруг него. Очень важная миссия!

«Слушай, – сказал сам себе Айвен, почесав подбородок, – наверное, и какое-то вознаграждение предусмотрено. Значимая общественная роль, как-никак! Пусть король ненастоящий, но ведь ответственность на его плечи ложится немалая. Как пить дать, что-то за это полагается. Эх, хорошо бы! И на празднике погуляю, и того... Может быть, дадут столько, что хватит на новую машину, еще отец об этом мечтал. Хотя бы ради памяти отца неплохо бы машинку обновить, да? А там, глядишь, и семьей обзаведусь, наконец».

С этой точки зрения перспективы казались еще грандиознее и радужнее.

– Мама! – крикнул Айвен. С кем же еще поделиться новостью, как не с ней.

Мать не отвечала. Айвен пробежался по комнатам, но матери нигде не оказалось. Айвен был дома один. Не в силах сдержаться, он звонко хлопнул себя по ляжкам, исполнил несколько странных танцевальных па и, не зная, чего бы такое сделать еще, включил телевизор.

Сразу попал на новости. Подтянутый моложавый диктор, похожий на робота, важно сообщил Айвену, что герой-кастронавт Гуго Аллаж впервые в истории человечества со-

вершил полный оборот вокруг Венеры, находясь в автономном скафандре. Затем на экране возникло бледное, покрытое крупными каплями пота лицо кастронавта Аллажа, искаженное толстым стеклом скафандра. Кастронавт уставился на Айвена, беззвучно шевеля губами. Айвен шагнул к ТВ и чокнулся с Гуго баллоном «газа».

– За наши с тобой успехи!

Покоритель космоса таращил пустые глаза.

– Гуго Аллаж передает нашим телезрителям привет с орбиты Марса, – сообщил диктор. – К сожалению, по техническим причинам мы не можем транслировать его речь. Увидимся после рекламы, не переключайтесь!

VI. Виринея

Каждая жизнь – множество дней, один за другим. Мы бредем сквозь самих себя, встречая разбойников, призраков, великанов, стариков, молодых, жен, вдов, любящих братьев, но всякий раз при этом встречая самих себя.

Джеймс Джойс, «Улисс»

Натана Курцхалия провожали в среду.

Когда Айвен подошел к зданию муниципалитета, у каменного крыльца уже стояли немногочисленной молчаливой кучкой друзья и коллеги покойного. Айвен пожал протянутые навстречу мужские руки и спросил, не поднимая глаз:

– Где Катя?

Кто-то моча показал на вход в здание. Айвен повернулся к дверям – за толстым стеклом маячил бдительный охранник. Видимо, он уже давно следил за подозрительной группой мужчин и был готов в случае чего немедленно принять положенные меры. Однако никаких мер не потребовалось, потому что, потеснив охранника, из дверей вышла Екатерина Курцхалия – сестра покойного. Другой родни, насколько знал Айвен, у Натана не осталось.

– Здравствуй, Айвен, – кивнула Катя. – Спасибо, что пришли поддержать, ребята.

Катины глаза были сухими и ясными. Голубоватые тонкие веки туго обтягивали выпуклые глазные яблоки. «Сильная женщина, – подумал Айвен, – железная. Несгибаемая. В такой тяжелой ситуации непросто сохранить самообладание... Не всякий мужик-то сможет. Вот Натан был совсем другой – большой и толстокожий на вид, но все это было напускное. Маскировался, прятал свою истинную ранимую сущность. А случилось что-то, и не выдержал».

Жили Курцхалия в довольно старой типовой многоэтажке. Квартира была небольшой, уютно затемненной, она все еще сохраняла что-то неуловимое от обитавшего в ней толстого человека, так, казалось, любившего жизнь с ее простыми удовольствиями. Айвен, не дожидаясь просьбы, сразу ушел на кухню помогать Екатерине – чистил лук, резал овощи, помешивал ложкой в кастрюле густое варево. Неодобрительно качал головой, понимая, сколько баллов ушло на натуральные продукты для поминального ужина.

Потом разместились за столом. Одно место – во главе стола – осталось свободным. Те, кого усадили рядом с этим пустым местом, невольно поеживались и говорили меньше и тише других.

Засиделись допоздна, никто не решался встать и уйти первым. Все словно чего-то ждали. Наконец, один из мужчин извинился и, сославшись на то, что рано вставать, встал из-за стола. Все потянулись следом, образовав в коридоре «пробку».

Айвен пошел с Чандром, им было в одну сторону. Шли дворами – так было проще. На больших улицах возрастала вероятность встречи с полицейским нарядом, объясняй потом, кто ты, куда и почему так поздно. Сегодня всего этого хотелось по возможности избежать.

Шаги отдавались эхом в пустынных колодцах, образованных одинаковыми бетонными кубами. Удивительная акустика в этих полостях, каждый шорох усиливается многократно. Специально так сделано, что ли?

– Как? – неожиданно спросил Чандр.

– А? – рассеянно откликнулся Айвен, погруженный в свои мысли.

– Как он умер?

Айвен остановился в удивлении.

– Погоди, так ты не знаешь, что ли?

– Нет, – покачал головой Чандр. – Я только сегодня из рейса. У Кати как-то неудобно было спрашивать... Ты понимаешь.

– Его в парке обнаружили, – помолчав, ответил Айвен. – Влюбленная парочка углубилась в заросли, ну и... Эксперт потом сказал, что Натан несколько суток там пролежал, с пакетом на голове.

Чандр глубоко вздохнул, будто бы ему тоже не хватало воздуха.

– Надел полиэтиленовый пакет, а руки застегнул за спиной наручниками...

– Откуда у него наручники?

– Ну, как, – Айвен хотел, чтобы Чандр сам догадался, но тот ждал ответа. – Такие, для взрослых игр.

Чандр пробормотал что-то, смутившись.

– Сейчас холодно, он хорошо сохранился, – зачем-то добавил Айвен.

Пауза.

– Почему? – повернул голову Чандр, блеснув в темноте белками глаз.

– Никто не знает... Я его видел на прошлой неделе, он был под мухой. Меня к себе звал, а я не пошел... – признался Айвен. – И Кате он ничего такого не говорил, по ее словам. Натан же со всеми делился только хорошим, ты знаешь, плохое в себе носил. Молча переживал. Вот и тут молчал, сестру жалел или что...

– Пожалел, нечего сказать, – Чандр остановился под фонарем и протянул Айвену ладонь. – Получается, нам теперь за него жить, что ли?

– Выходит, так, – растерянно согласился Айвен. Он не думал об этом.

Темнело теперь рано. Когда автобус доставил Айвена в Новое Внуково, повсюду уже включили искусственное освещение. Стеклопанная призма аэропорта сияла, как волшебный хрустальный ларец, в котором хранится некое сказочное сокровище – сердце дракона или что там еще может

быть в таких ларцах. Айвен выскочил из автобуса, забрал свой багаж и пошел искать рейс на табло вылетов.

До начала регистрации оставалось почти полчаса, то есть спешить было совершенно некуда и незачем. Айвен направился в зал ожидания. Огляделся по сторонам – народу было, прямо скажем, немного. В дальнем углу обнаружился целый ряд пустых кресел, лишь напротив дремала, надвинув на глаза смешную шапку с треугольными ушками – кисточки на концах – какое-то существо женского пола. Лицо девушки было скрыто надвинутой на глаза шапкой. Айвен осторожно, стараясь не разбудить ненароком дремлющую «рысь», поставил багаж на испускающие слабый свет плиты пола, а затем и сам опустил зад на жесткий синий пластик.

Кресло предательски скрипнуло. Девушка резко выпрямилась, сдвинув шапку назад. Айвен онемел.

Судя по всему, девушка тоже была удивлена. По ее лицу быстро пробежали тени очень разных чувств – испуг, и радость узнавания, и сомнение. Но она удивительно быстро взяла себя в руки и теперь смотрела на Айвена прямо и немного насмешливо.

– Привет, – первым сказал Айвен. – А мы встречались раньше. Вы... Ты помнишь?

– Привет, – ответила девушка с улыбочкой. – Синяя фура.

– Да-да, – обрадовался Айвен. – Точно! Синяя фура до Москвы...

– Не совсем до Москвы, если точно, – насмешливо фырк-

нула девушка. – И как она?

– Она? – удивленно повторил Айвен. – Кто?

– Твоя машина.

– А, моя старушка? – растерялся Айвен. – С ней все хорошо, спасибо. Дребезжит, но бегаёт.

А потом рассмеялся. Надо же, какая неожиданная встреча! Ведь уже и забыл о том нелепом случае.

– Ну, я рада, – сказала девушка. – И за машину, и вообще...

Губы Айвена сами собой растягивались в глупую улыбку, хотя он пытался их удержать.

– Летишь? – спросил Айвен.

– Встречаю.

– Поня-а-атно, – протянул Айвен. – А я в Столицу.

Получилось как-то хвастливо, глупо. «Будто цену себе набиваю», – мелькнуло у него в голове.

– По делу или так? – поинтересовалась девушка.

– Да как сказать, – пожал плечами Айвен. – Наверное, по делу.

Девушка кивнула и вдруг заливисто расхохоталась, трянув рысиными кисточками.

– Извини, вспомнила выражение твоего лица. Тогда, в клубе...

– Слушай, – опустил глаза Айвен, – это ты извини, что получилось так... Ну, что не подвез. Я не собирался тебя высаживать, ты сама.

– А, не бери в голову, – махнула рукой девушка. – Я вообще без проблем добралась, на следующей машине. Девушке несложно доехать, ты же понимаешь. Сам такой...

– Какой это «такой»? – обиделся Айвен

– Ладно, проехали, – девушке не хотелось продолжать на эту тему. – Не бери в голову.

– Хорошо. Значит, все в порядке? – переспросил Айвен.

– Конечно!

– А то я, знаешь, специально пошел тебя искать вечером, – признался Айвен. – Не подумай, я просто извиниться хотел.

– Так вот ты зачем в клуб пришел...

– Ну да.

– Не стоило. Я же сама попросила остановить...

– Оно-то понятно, – кивнул Айвен. – Но мне не по себе стало, забеспокоился...

«Что я говорю, – мелькнуло в голове Айвена. – Стоп».

Девушка внимательно рассматривала мерцающие плиты под ногами и улыбалась.

– Я еще тогда, в машине, хотел спросить, да не успел, – прервал молчание Айвен. – Как тебя зовут?

– Ния, – просто ответила девушка и подняла на Айвена глаза. Блестящие и внимательные глаза. «Вот уж точно рысь», – подумал Айвен.

– Ния? – переспросил он для верности.

– Да, – тряхнула челкой девушка. – А что?

– Редкое имя, – сказал Айвен, – первый раз такое слышу.

– Редкое – не то слово, – усмехнулась девушка.

– А я Айвен! Будем знакомы.

– Будем знакомы, Айвен, – серьезно сказала девушка и, привстав, подала Айвену руку. Айвен осторожно пожал тонкие прохладные пальцы.

– Скажи, Ния – это твое полное имя? – спросил он, чтобы хоть что-то спросить, не потерять нить завязавшегося было разговора.

– Ох, – девушка надул губы. – Родители назвали меня Ви-ринеей, но это звучит как-то... По-старушечьи звучит, совсем железновечно. Поэтому я Ния.

– Вириная, – произнес Айвен шепотом, будто пробуя новое слово на вкус. – А знаешь, мне...

– Даже не думай! – Ния нахмурилась и поднесла к самому носу Айвена кулак.

Айвен отрицательно помотал головой, изображая испуг. А затем поинтересовался осторожно:

– Как у тебя с картой? Решилось?

– С картой? – Ния потерла лоб, припоминая. – Да, все в порядке. Ты помнишь это? Забавно.

Девушка достала из кармана куртки пластиковую карту на зеленом нейлоновом шнурке и покрутила ей перед Айвеном. Он попытался было поймать белый прямоугольник с отпечатанным на нем длинным номером, но Ния отдернула руку и спрятала карту в карман.

– Так зачем ты в Столицу-то собрался?

– Ну, – Айвену почему-то стало неловко. – Понимаешь, какое дело... Меня пригласили поучаствовать в одном мероприятии.

– М-м, серьезно?

– Ага, письмо пришло. Знаешь, скоро Сатурналии... В общем, меня вроде как выбрали королем. Ну, хватит!

Ния залилась смехом, как будто Айвен очень удачно пошутил, рассказал невообразимо веселую историю. Айвену не оставалось ничего другого, как ждать, когда пройдет этот приступ веселья.

– Ох, ничего себе! – Ния вытерла глаза. – Айвен... Ну ты даешь.

– Чего в этом такого смешного?

– Не обижайся! Я рада за тебя... Просто это все как-то неожиданно.

Айвен пожал плечами.

– Мне тоже так показалось, до сих пор не очень-то верится. В общем, вызвали в Столицу. Подготовку, мол, нужно пройти, то да се...

– Как же работа твоя?

– Отпустили, – пояснил Айвен, – по такому случаю.

Ния почесала нос и сказала, глядя в сторону:

– Значит, Сатурналии, говоришь... Интересно. У нас такое не отмечают.

– Странно, – удивился Айвен. – Как это? И где «у вас»? В семье или в вашем городе?

– И в семье, и так... – уклончиво ответила Ния. – Нет, я знаю, что такое Сатурналии, но... В общем, я тебя поздравляю! Правда! Интересно, что ты чувствуешь? Ощущаешь ли, скажем, ответственность?

– Пока ничего особенного не ощущаю, – признался Айвен. – Но вырваться из будней давно хотелось. И вот выпал шанс.

– Удивительно, – кивнула Ния. – Я тут подумала, знаешь... Может быть, и мы не просто так встретились с тобой. Один раз ничего не значит, два раза – куда ни шло, а три... Три – это уже судьба, что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.